

Янур Василиев

Поэт. Родился и вырос в Дзержинске Нижегородской области. В 2021 году поступил на филологический факультет СПбГУ. Участник образовательной программы «Поэзия» в центре Сириус (2020), финальной литературной мастерской АСПИ (2022), автор цикла лекций «Русское поле рок-поэзии». В апреле 2023 вошел в шорт-лист конкурса «Поэтический дебют», организованного журналом «Аврора».

Хорошая попытка

*(рецензия на книгу Евгения Дьяконова «Высмотришь»,
СПб.: Поэтустороннее, 2023)*

В новую книгу Евгения Дьяконова вошли стихотворения 2014–2023 годов. Композиционно она поделена на две части, каждая из которых включает несколько глав: Стихии («Огонь», «Вода» и т. д.) и Чувства («В слух», «Вкус языка», «Касательно тебя» и т. д.). Стоит отметить, что другие сборники Дьяконова не были столь концептуально оформлены. В новой же книге ощущается пафос некоего «magnum opus», манифестирующего творческий метод автора: пристальное внимание к окружающей действительности и попытка высмотреть дыхание поэзии в прозе жизни.

Охудожествление увиденного, случайно пойманного загоняет автора на поле поэзии бессобытийной. Автор, сродни пейзажисту, идет по улице, пытаясь «высмотреть» все подряд: хватается за что-нибудь и нещадно поэтизирует увиденное. Иногда подсмотренного оказывается слишком мало: сравнение голубей с бомжами может встроиться как интересный образ, но едва ли тянет на целое стихотворение. Порою возникает впечатление, будто мы читаем не чистую «книгу стихов», а записные книжки, куда дополнительно помещаются и наброски будущих текстов, и черновые, параллельные варианты: так, в книге соседствуют два небольших текста, начинающиеся строками «примеряешь / греческую мифологию». Быть может, автор пытается приоткрыть двери

в свою творческую лабораторию, желая таким образом сократить дистанцию между собой и читателем, погрузить его в атмосферу своей поэтики.

Между тем, как правило, нарратив ему удастся выстроить удачнее: картинка у Дьяконова повисает в воздухе, как будто незаконченная; остается ощущение, что автор задал экспозицию, но забыл ее развить, тогда как композиция нарратива выстраивает и лирический сюжет. Но и в таком случае встречаются шероховатости: лирический герой одного из стихотворений описывает карманников на Невском проспекте и сбивает читателя с толку противительным «а я...», хотя в этом случае подошел бы союз «и»; о себе он говорит, что не является бунтарем — как будто другие карманники работают шумно? — и вся разница, видимо, сводится к тому, что герой (как выясняется, тоже карманник) ворует на пропитание себя и матери. Мотивировки же остальных персонажей не рассматриваются, вот и выходит недостаточное основание для противопоставления. Подобные мелочи являются вопросом скорее даже корректуры, чем редактуры, но, к сожалению, они способны смазать впечатление от хорошего текста.

В книге представлены как метризованные стихотворения, так и верлибры. На последних остановимся отдельно. Интересный верлибр зачастую складывается на основе некоторого «семантического сдвига», когда развязка текста как бы переворачивает с ног на голову все сказанное, принуждая нас по-новому взглянуть на текст. Эталонный верлибр сразу хочется перечитать. Иногда Евгению этот сдвиг удается: «воскресенье / город завербован весной». Но чаще бывает так, что в полной мере этого не выходит: «в детстве / родители говорили / что смотрят ужастики / поэтому и кричат / <...> / теперь / мы узнали этот крик / и сами смотрим / фильмы ужасов...». Представленное стихотворение заходит в область семантического сдвига, но не достигает должного эффекта, ибо развязка очевидна изначально. Дополнительного смыслового выворота в тексте не происходит.

Весьма ценно, что Евгений предпринимает попытки сделать что-то интересное. Впрочем, иногда автор заигрывается и выдает перлы. Например, иву, «зарывавшую навзрыд». Попытка же окунуться в пафос рискует обернуться излишней претенциозностью: лирический герой видит инкассатора, мечтающего, лежа на осенней листве, а рядом — инкассаторский автомобиль, «ограбленный и обворованный, / как под моей рубашкой — сердце». Слова по типу «сердце», «смерть» или «судьба» вообще ставят любого автора на тонкий лед: возникает опасность подмены сильным образом силы стихотворения. При этом удельный вес такого образа обратно пропорционален частоте его упоминания:

эти слова уже затерты до дыр, и очень сложно использовать их так, чтоб это не выглядело пошло.

Предпринимая же попытку игры слов, автор называет одну из глав «В слух». Да и само деление на главы представляет собой лишь хорошую, но попытку сделать из сборника книгу: цельное произведение, элементы которого взаимосвязаны.

Мотивировку отнесения стихотворения к тому или иному разделу книги зачастую сложно установить. Заглавия предложены весьма условно, порою притянуты за уши. Соотнесенность со стихиями, например, продиктована не использованными образами, но настроением стихотворений. «Земля» как будто рисует нам сиюминутные, приземленные впечатления (даже если возникает образ Эдема), тогда как для «Воздуха» характерны настроения возвышенные (даже когда предметом стихотворения является клен, который, на первый взгляд, следовало бы отнести к «Земле»). «Огонь», кажется, выражает обжигающую пронзительность жизни во всех ее проявлениях, и потому именно в этом разделе мы находим стихотворение про трагичную гибель аквариумных рыб, которые, с точки зрения обывательской логики, следовало бы отнести к «Воде».

Книгу предваряет статья Ольги Туркиной с обещаниями по типу того, что «если вы решитесь пройти с ней [книгой] от корки до корки, вы проживете саму жизнь». В статье предпринимается, среди прочего, попытка объяснить композиционное решение книги. Например, дается интерпретация подзаголовку «В слух»: слышимость, тишина и голоса, входящие в слух поэта. Имеющиеся стихи как будто натягиваются на придуманную концепцию, и не всегда это выглядит убедительно. Складывается ощущение, что концепция, в сухом остатке, мотивирована упомянутым чувством пафоса. Впрочем, этот флер приобретает оттенок комизма в сочетании с качеством верстки (тексты идут сплошняком, первые две строчки могут быть оторваны от остального стихотворения), с дизайном обложки (текст аннотации выходит за рамку, как и название сборника). Казалось бы, если уж делать пафосно, то последовательно и во всем.

В стихах Дьяконова редко можно найти умозрительную философию: он «высматривает» то, что нас окружает, и поэтому легко происходит радость узнавания со стороны читателя, в том числе неприятного. Большую часть стихотворений можно бы было сравнить с рисованием лубков, но отдельные тексты демонстрируют, что автор способен глядеть и глубже. Евгений Дьяконов — несомненно талантливый поэт, но в сборник оказывается втиснуто все, что он увидел, пока шел за продуктами. В итоге читателю приходится «высматривать» проблески поэзии в стихотворной руде.

Художник Антонина Мова